

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины

**Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Кафедра истории Древнего мира и Средних веков**

**Одесский археологический музей
Национальной академии наук Украины**

**Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья
Национальной академии наук Украины**

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск X

Одесса

ФЛП «А.С. Фридман»

2013

ББК 63.3(237Ук.7)

Д 73

УДК 902/904

Рекомендовано к печати Ученым советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова.
Протокол № 6 від 26 лютого 2013 р.

Древнее Причерноморье. Выпуск X / Глав. ред. И.В. Немченко. – Одесса: ФЛП «А.С. Фридман», 2013. – 654 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов X Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 11-13 марта 2013 г. Выпуск включает статьи по проблемам нумизматики, истории и археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:

Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории Древнего мира и Средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор

Демин О.Б. – д.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова

Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины
ОНУ имени И.И. Мечникова

Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова

Луговой О.М. – к.и.н., доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, технический редактор

Избаш-Гоцкан Т.А. – к.и.н., доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова

Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ

Руссев Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинев, Молдова)

Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. Отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ

Смынтына Е.В. – д.и.н., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины
ОНУ имени И.И. Мечникова

Рецензенты:

Брумяк И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ

Сорочан С.Б. – д.и.н., зав. кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Харьковского
национального университета имени В.Н. Каразина

Издание осуществлено при финансовой помощи Владимира Владимировича Левчука и Владимира Алексеевича Кравца.

ISBN 978-966-96181-10-9

© Кафедра истории Древнего мира и Средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2013

- ¹⁹ Зубарев В.Г. К вопросу о западной границе Боспора во второй половине IV - начале V в. н.э. // БФ. – СПб., 2011. – С. 241-247 и др.
- ²⁰ Молев Е.А. Боспорский город Китей. – К., 2010; Хршановский В.А. Погребальные комплексы IV в. н.э. на некрополе Китея // БИ. – Т. I. – Симферополь, 2002. – С. 313-323 и др.
- ²¹ Соколов Г.И. Искусство Боспорского царства. – М., 1999.
- ²² Зинько Е.А. Вопросы хронологии раннехристианских склепов Боспора // БФ. Проблемы хронологии и датировки памятников. – СПб., 2004. – С. 308-318 и др.
- ²³ Рябцева М.Л. Грод Гуннский – вождь варваров и христианский мученик VI в. на Боспоре // Личность в истории. Личность историка. – Воронеж, 2008. – С. 199-202.
- ²⁴ Болгов Н.Н., Рябцева М.Л. «Федераты» позднего Боспора // От древности к новому времени (Проблемы истории и археологии). – Вып. XII. – Уфа, 2009. – С. 88-95.
- ²⁵ Болгов Н.Н., Рябцева М.Л. Готские «федераты» Боспора и готы-федераты Византии на Боспоре // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. - № 1(72). - Вып. 13. – Белгород, 2010. – С. 19-26.
- ²⁶ Шаров О.В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху / Автореф. докт. дисс. – СПб., 2009.
- ²⁷ Болгов Н.Н., Красникова Е.А. Позднебоспорские портреты. – Белгород, 2010.
- ²⁸ Ермолин А.Л., Федосеев Н.Ф. Переправа – Порт-Мион – «традиционный Порфмий» // БФ. – СПб., 2011. – С. 210-219.

А.С. Боровский (Одесса, Украина)

ЛИЧНОСТЬ ЭРНАНА КОРТЕСА В РАБОТАХ ФРАНСИСКО ЛОПЕСА ДЕ ГОМАРЫ

Прославленный гуманист и защитник индейцев Бартоломе де Лас Касас, повествуя в своей «Истории Индий» о завоевании Эрнаном Кортесом империи ацтеков, открыто полемизирует с другим испанским хронистом, Франсиско Лопесом де Гомарой, называя его слугой и личным капелланом конкистадора и обвиняя в умышленном искажении фактов с целью оправдать злодеяния последнего¹. Эти обвинения породили в историографии устойчивую традицию предвзятого отношения к трудам Лопеса де Гомары, и лишь недавние исследования позволили поставить их под сомнение.

Согласно мексиканской исследовательнице в области культуры Новой Испании Н.Э. Хименес, у нас нет никаких оснований полагать, что Гомара действительно служил в доме Кортеса в качестве капеллана. Дело в том, что сам хронист на страницах своих работ ни разу не упоминает о факте службы в доме маркиза дель Валье; единственным из современников, кто утверждал, что Гомара являлся духовником Кортеса, был Лас Касас. Более того, ни в завещании, ни в документах маркизата

дель Валье, относящихся к периоду жизни Эрнана Кортеса, нет ни одного упоминания о Гомаре².

Совокупность этих фактов позволяет усомниться в весьма популярном в историографии мнении, что сведения для своей «Истории завоевания Мексики» Лопес де Гомара получал из первых рук, общаясь в доме конкистадора с самим Кортесом и навещавшими его соратниками. Однако, на наш взгляд, утверждение мексиканской исследовательницы, что кроме информации о двух поездках Кортеса в Европу, в указанной работе Гомары нет ничего, что талантливый историк не смог бы извлечь из писем Кортеса Карлу V³, слишком категорично.

Представляется, что глубокое знание деталей внешности, черт характера, пороков и достоинств завоевателя Мексики могло появиться лишь в результате личного общения писателя со своим героем. И если Гомара не жил в доме Кортеса, это вовсе не означает, что они не были знакомы.

Вероятнее всего, их встреча состоялось во время неудачной алжирской экспедиции Карла V. Узнав о том, что император намерен снять осаду и отступить ввиду неблагоприятных погодных условий и значительных потерь, Кортес вызвался захватить город с отрядом поддерживавших его солдат. Однако он не был допущен на военный совет и войска все же вынуждены были отступить. Эта решимость знаменитого конкистадора, готового ради победы на самые отчаянные шаги, вызывала насмешки некоторых военачальников, считавших, что победить тропических дикарей смог бы и ребенок⁴. Гомару же немало удивило то, что предложение столь опытного солдата было отклонено, и несмотря на то, что Кортесу не удалось вновь доказать свои военные качества, испанский историк счел необходимым увековечить их в своей «Истории завоевания Мексики».

В посвящении Педро Альваресу Осорио, маркизу де Асторга в "Хронике знаменитых Аруджа и Хайр-ад-Дина Барбаросса" (*Chronica de los muy nombrados Omiche y Haradín Barbarrojas*) Гомара пишет, что по примеру «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха он хотел бы сопоставить личности таких выдающихся персоналий своего времени, как Хайр-ад-Дин Барбаросса и Эрнан Кортес⁵. Однако Гомара не ограничился лишь формой параллельных биографий, позаимствовав у Плутарха также ряд методологических приемов. В своей работе он стремился показать внутренний мир героев, уделяя с этой целью большое внимание личностным описаниям и незначительным событиям, характеризующим ключевых персонажей.

Как и Плутарх в «Жизнеописаниях», Гомара начинает «Историю завоевания Мексики» с детства и юности своего героя. Перед читателем предстает первое воплощение Кортеса: это органичная смесь двух

классических литературных испанских героев XVI в.: пикаро и Дон Жуана. Непоседливый и любопытный ребенок вырастает в шумного гуляку и ловеласа, предпочитающего проводить студенческие годы в Саламанке как угодно, но только не за изучением права. Подобный портрет немного противоречит тому факту, что Кортес все же получил степень бакалавра права⁶ и впоследствии с успехом применял свои познания в многочисленных судебных разбирательствах. Однако Гомара, который, к слову, упускает этот факт биографии конкистадора, вряд ли считал, что прилежная учеба должным образом характеризует будущего завоевателя и авантюриста. «Он вернулся в Медельин, пресытившись или расхотев учиться, или, возможно, из-за нехватки денег»⁷. Хотя автор и предоставляет нам альтернативу, с учетом данной им ранее характеристики очевидно, что для Гомары образ праздного, беспокойного юноши, предпочитающего тратить время и деньги вне стен университета, выглядит куда привлекательнее, чем образ бедного дворянина, вынужденного бросить обучение по причине недостатка средств.

Немало внимания Гомара уделяет и любовным похождениям будущего конкистадора. Так, в одном случае, еще в Испании, незадачливый Кортес-любовник вынужден сломя голову убежать по крышам от гнева обманутого мужа⁸. А уже на Кубе, обольстив некую испанскую сеньориту, он наотрез отказался на ней жениться, за что Диего Веласкес, губернатор Кубы, дважды заключал его в тюрьму, откуда тот сбегал и прятался в церкви⁹.

По мнению Гомары, главным качеством Кортеса, благодаря которому он выбирался из всех юношеских передряг, а впоследствии стал успешным конкистадором, является ловкость, или «тафа». Как нетрудно догадаться, этимология этого понятия связана с уличными трюками, совершавшимися при помощи рук¹⁰. Благородные идалго, чей социальный статус берег их руки от любого труда, нередко становились ловкачами, как в мирное время, так и на войне. Характерно, что Кортес, узнав о том, что принесшие в его лагерь еду тласкаланцы являются на самом деле шпионами, приказал отрубить им руки и отправить домой, образно положив конец их хитрости¹¹. И хотя индейцы не могли понять этого поступка, жестокость испанцев их немало напугала.

Показателен также метод, каким Кортес добился примирения с Диего Веласкесом на Кубе. Скрываясь от его гнева в церкви, Кортес узнал, что губернатор отправился вглубь острова подавлять восстание индейцев. Приказав слуге добыть ему снаряжение, он тайком пробрался в лагерь Веласкеса и в полном вооружении явился в его шатер, чтобы уладить все разногласия и предложить свою помощь в войне. Стоит ли говорить, что эта авантюра увенчалась полным успехом и «они пожали друг другу руки, как друзья, и после многих бесед легли спать вместе в

одной кровати, где их и нашел на следующее утро Диего де Орельяна, который приехал увидеть губернатора и сказать ему, что Кортес сбежал»¹². В этой ситуации Гомара представляет нам Кортеса как истинного героя своего времени, настоящего конкистадора – отчаянного и дерзкого, готового поставить на карту все ради успеха. И хотя в последней главе, характеризуя конкистадора, Гомара придает отрицательную окраску его азарту и любви к риску¹³, не стоит забывать, что именно эти качества, по мнению хрониста, помогли его герою покорить империю ацтеков.

И все же на первом месте для Гомары стоят военные подвиги конкистадора. Именно храбрость Кортеса, в одиночку решившего исход сражения при Отумбе, вновь вселила в испанцев надежду после Ночи печали¹⁴. Прочие испанцы предстали в качестве простых зрителей подвига Кортеса, изображенного Гомарой скорее в роли странствующего рыцаря, чем полководца.

В этом плане показательна синекдоха «Кортес – армия Кортеса», к которой довольно часто прибегает хронист, описывая сражения: «сто сорок тысяч человек собралось против Кортеса»¹⁵. Подобная замена еще в большей степени делает работу Гомары похожей на жизнеописание великих людей и едва ли случайна. Следует отметить, что в этом случае хронист вдохновляется примером самого Кортеса, пользовавшегося в своих реляциях исключительно лишь емким местоимением «я».

Умение Кортеса завоевывать союзников говорит о нем не только как об отважном воине и талантливом полководце, но и как об умелом дипломате. В особенности примечательно его умение играть на противоречиях между фракциями и извлекать из этого максимальную выгоду. Это касается не только индейцев. Ловко манипулируя своими солдатами, он добивается официального признания за собой титула генерал-капитана¹⁶ и переманивает на свою сторону солдат Панфило де Нарваэса¹⁷, прибывших в Мексику, чтобы арестовать его. Не удивительно, что у доктора чикагского университета Г. Кармана эта черта характера завоевателя Мексики вызвала сравнение с Одиссеем, чьи хитрость и умение убеждать, до неприличия растягивая представление о правде, не раз спасали ему жизнь¹⁸.

Гомара с увлечением, характерным для представителя риторической школы историописания, играет с именем своего героя, сочетая его в одном предложении с созвучными испанскими словами («вежливость», «учтивость» и «придворный»): «*Mil placeres hacían aquellos señores y mucha cortesía a Cortés*»¹⁹ или «*Conocía Cortés a casi todos aquellos que venían con Narváez. Hablóles cortésmente*»²⁰.

Еще один яркий образ, в котором предстает перед нами Кортес Гомары, – Кортес-крестоносец. В какое бы поселение ни приходил

завоеватель, первым делом он свергал местных идолов, лично читал проповедь и служил мессу (при том, что в составе его отряда были священник и монах). «Кортес входил в любое поселение, разрушал идолов и запрещал человеческие жертвоприношения, прекращая таким образом оскорбление Господа и надругательство над ближним (и вместе с первыми письмами и деньгами, которые он отправил императору после взятия Мехико, попросил прислать епископов, священников и монахов, чтобы проповедовать и обращать индейцев)»²¹.

В «Истории завоевания Мексики» Кортес выступает в роли первопроходца христианизации, прокладывающего дорогу для дальнейших успехов испанцев на этом поприще. Как священника, Гомару не может не радовать эта сторона его героя: «Какая слава, какая хвала будет Кортесу! Он сверг идолов, он проповедовал, он запретил жертвоприношения и пожирание людей!»²². Такое акцентирование внимания на религиозной составляющей свершений Кортеса в Новом Свете не удивительно. Официальной целью испанской конкисты была объявлена именно евангелизация индейцев, и Гомара, несмотря на некоторые расхождения с короной в вопросах, касающихся колониального устройства, полностью поддерживал имперскую политику Испании, всячески стремясь подчеркнуть значимость совершаемых ею завоеваний в глазах всей христианской Европы.

Рыцарский идеал Гомары воплощает, таким образом, война, служителя церкви и государства. Однако о торговой и хозяйственной деятельности Кортеса хронист почти не пишет. Вероятнее всего, это было связано с политическими и идеологическими соображениями. До середины XVI в. в Испании велась активная полемика о правомерности испанской конкисты и методах ее проведения, и Гомара, как представитель интеллектуальной среды, разумеется, был в курсе этой дискуссии. И потому, являясь сторонником конкисты, стремился оправдать ее на страницах своей работы. Война во имя святой цели и христианизации, в глазах испанского священника, безусловно, способствовали этому. В отличие от торговли, никак не оправдывавшей экспансии Испанской империи.

Кроме того, следует добавить, что Гомару-историка весьма мало интересовала торговля вне зависимости от того, писал он об алжирских корсарах, венецианских дожах, индейских племенах или испанских конкистадорах. Во «Всеобщей истории Индий» и «Хронике» люди, посвящающие себя торговле, не слишком успешны, так как выступают в основном предателями. Тут Гомара следует общепринятым стереотипам, обвиняя, к примеру, евреев и генуэзцев. Вместе с тем он отмечает, что Кортес «осторожный и ловкий в торговых делах»²³, и предполагает, что он как минимум дважды подкупал людей Нарваэса²⁴.

Главным соперником Кортеса на пути к завоеванию Мексики Гомара считает не Монтесуму или Куаутемока, а дьявола, скрывающегося под личинами идолов и побуждающего ацтекских правителей совершать жертвоприношения и сопротивляться испанцам. Так, к примеру, перед началом осады Теночтитлана Куаутемок склонялся к мирному разрешению конфликта, но дьявол, скрывшийся за личиной бога войны Уицилопочтли, убедил его вступить с испанцами в битву²⁵. Точно такие же сомнения одолевали Монтесуму в то время, как Кортес впервые подходил к городу.

Отвращая Монтесуму от влияния дьявола, Кортес Гомары превращает лидера ацтеков в символ триумфа христианства. По словам Гомары, среди солдат Кортеса даже ходили слухи, что Монтесума принял решение креститься, однако тут же сам хронист делает оговорку, что император ацтеков никогда не говорил об этом с предводителями конкистадоров, а солдаты слишком плохо понимали индейцев, чтобы узнать эту новость от кого-либо еще²⁶.

В целом, следует отметить, что Кортес, предстающий перед нами на страницах «Истории завоевания Мексики», свободен от внутренних противоречий. В ходе повествования его образ не претерпевает существенных изменений, будучи схож своей статичностью с образами странствующих рыцарей, столь популярными в XVI в. С той лишь разницей, что Кортес склонен ко взяточничеству, жестокости и обману. Этим он скорее напоминает пикаро, покорителя женских сердец, или Одиссея, добившегося успеха благодаря своему умению жонглировать словами и хитрить. Однако в отличие от них, Кортес Гомары преследует высокую цель, которая раскрывается в его противостоянии с дьяволом за душу Монтесумы, а также в священной миссии в Новом Свете.

¹ Las Casas B. de. Historia de las Indias. – Т. 3. – Caracas, 1986. – P. 434, 587-589.

² Jiménez N. E. Francisco López de Gómara: escribir historias en tiempos de Carlos V. – Zamora, Mich, 2001. – P. 103.

³ Ibidem.

⁴ Roa-de-la-Carrera C. A. Histories of Infamy: Francisco López de Gómara and the ethics of Spanish imperialism. – Boulder, 2005. – P. 22.

⁵ Gómara F. L. de. Crónica de los Barbarrojas // Memorial Histórico Español. – Т. VI. – Madrid, 1853. – P. 332.

⁶ Дюверже К. Кортес. – М., 2005. – С. 44.

⁷ López de Gómara F. Historia de la conquista de México. – Caracas, 2007. – P. 8.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid. – P. 11-13.

¹⁰ С исп. la mano – рука; la maña – ловкость, проворство; las mañas – уловки, хитрости.

¹¹ López de Gómara F. Op.cit. – P. 102.

¹² Ibid. – P. 13.

¹³ Ibid. – P. 454.

¹⁴ Ibid. – P. 213.

¹⁵ Ibid. – P. 95.

¹⁶ Ibid. – P. 64-65.

¹⁷ Ibid. – P. 190.

¹⁸ Carman G. Rhetorical conquests: Cortés, Gómara, and Renaissance imperialism. - West Lafayette, Indiana, 2006. – P. 107.

¹⁹ López de Gómara F. Op.cit. – P. 115.

²⁰ Ibid. – P. 195.

²¹ Ibid. – P. 312.

²² Ibid. – P. 439.

²³ Ibid. – P. 187.

²⁴ Ibid. – P. 187, 193.

²⁵ Ibid. – P. 251-252.

²⁶ Ibid. – P. 202.

А.В. Будніков (Одесса, Україна)

КОЧІВНИКИ В СТЕПАХ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я У СЕРЕДИНІ V - ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ VI СТ.

Ситуація з прибуття кочівників у степах Північного Причорномор'я в середині V - першій половині VI ст. залишається недослідженою вченими та актуальною для дослідження в наш час. Метою даної роботи є висвітлення історичної ситуації в степах Північного Причорномор'я в середині V - першій половині VI ст. з точки зору концепції «генераторів народів» та «природної історико-географічної структури»¹.

Відомо, що після смерті Аттіли в 454 р.², готськими племенами (гепідами) були витіснені гуни із Паннонії: «...В двенадцатый год правления Валии гунны были изгнаны римлянами и готами из Паннонии после почти пятидесятилетнего обладания ею...»³.

Гунське покороєння причорноморських степів IV ст. яскраво представляє нам дію «східного генератору», який направив рух на захід у Паннонію, але цей поштовх захлинувся перед західною цивілізацією⁴. Представники «північного генератору» (гепідського) виштовхнули «східний генератор» (гунський) в степи Північного Причорномор'я⁵, звідки варвари прийшли у 371 р.⁶

В середині V ст. в Північному Причорномор'ї перебували залежні від гунів племена акацирів⁷, які наприкінці V ст. були розбиті угорськими племенами, пращурами (?) стародавніх болгар сарагурів, оногурів та урогів⁸. Переміщення угорців викликане кавказькими гунськими племенами – саварів⁹, які розпочинають рух у південному напрямку волго-донського міжріччя до сучасної р. Десни, де осідають в